

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-1

Можно ли повторить опыт Восточной Азии? Внешние факторы восточноазиатского «чуда»

Виктор Александрович КРАСИЛЬЩИКОВ

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, 117997,
Нахимовский пр-т, д. 51/21, Москва, Российская Федерация
E-mail: f1victor@mtu-net.ru
ORCID: 0000-0003-1402-3310

ЦИТИРОВАНИЕ: Красильщиков В.А. (2020) Можно ли повторить опыт Восточной Азии? Внешние факторы восточноазиатского «чуда» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 3. С. 7–26.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-1

Статья поступила в редакцию 08.04.2020.

АННОТАЦИЯ. *Можно ли повторить опыт модернизации восточноазиатских «тигров», новых индустриальных стран (НИС) Восточной Азии? Вопреки распространенным в России и в мире в целом утверждениям, будто и другие страны могут совершить такой же прыжок в «первый мир», автор подчеркивает уникальность опыта этих стран. Их успех явился результатом исключительного сочетания внешних и внутренних факторов, которые существовали в регионе в 1960–1980-х гг. В статье сделан упор именно на внешние факторы, которые способствовали этому успеху. Первым и главным из них была холодная война. Стратегия «сдерживания коммунизма» побуждала Соединенные Штаты Америки способствовать «построению» хорошего капитализма в качестве альтернативы советскому и китайскому влиянию. Вторым внешним фактором быстрой модернизации НИС явилась за-*

висимость их деловых и политических элит от США в условиях холодной войны. Такая зависимость вынуждала их использовать ту модель экономического развития, которая соответствовала американским стратегическим интересам. Третьим внешним фактором успеха рассматриваемых стран явились структурные изменения в экономике США и других развитых стран в сочетании с неоконсервативным социальным реваншем капитала в борьбе против организованного рабочего движения. Открытие внутренних рынков стран Запада для промышленных товаров из НИС Восточной Азии не только содействовало их ориентированной на экспорт индустриализации, но и «усмирению» профсоюзов на Западе.

Рассматривая указанные внешние факторы модернизации азиатских НИС, автор приходит к выводу о том, что, поскольку данные факторы ныне отсутствуют в других развивающихся

ся регионах, повторение восточноазиатского опыта не представляется возможным.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Восточная Азия, Китай, Корея, Малайзия, модернизация, новые индустриальные страны, СССР, США, Сингапур, Тайвань, холодная война*

В последние 20–25 лет рассуждения о сдвиге центра мировой экономики с Запада на Восток, от евроатлантического ареала к Тихому океану и Восточной Азии стали общим местом многочисленных прогнозов о будущем устройстве мира. Действительно, Восточная Азия¹, включая Японию, новые индустриальные страны (НИС) Азии, а впоследствии и Китай, оказалась единственным незападным регионом, где модернизация состоялась в полной мере, позволив Японии и четверке первых НИС («тигров») – Гонконгу, Сингапуру, Тайваню и Южной Корее – стать «первым миром», а Китаю – превратиться во вторую экономическую державу мира. Сама же Восточная Азия стала рассматриваться как эталон успешного социально-экономического и технологического развития для других незападных регионов планеты. Так, например, еще на рубеже 1980–1990-х гг., когда страны Латинской Америки отчаянно и безуспешно боролись с инфляцией, Фернандо Файнзильбер, экономист СЕПАЛ/ЭКЛАК², противопоставлял страны своего континента НИС Восточной Азии как неудачников – лидерам [Fajnzylber (1) 1990, pp. 151–163; Fajnzylber (2) 1990, pp. 147–159; Fajnzylber 1983, pp. 103–147]. Ссылки на успешный

опыт «тигров» с рекомендациями перенимать этот опыт в Латинской Америке содержатся и в докладах СЕПАЛ минувшего десятилетия [СЕПАЛ 2012, pp. 42–44, 77–80, 107–112]. Другой региональный орган ООН, Экономическая Комиссия по Африке (ЭКА), не придумал ничего другого, как рекомендовать африканским странам повторить путь восточноазиатских «тигров». Еще в 2012 г. ЭКА утверждала, что возросшие после Великой рецессии 2008–2009 гг. темпы роста экономики африканских стран позволяют надеяться, что Африка станет одним из глобальных полюсов роста. При этом структура экономики этих стран должна изменяться в том же направлении, в котором изменилась структура экономики Кореи к 2005 г. [ЕСА 2012, pp. 67, 71–77]. Пять лет спустя, в 2017 г., та же Комиссия опять призвала африканские страны брать пример с Восточной Азии, на сей раз в плане гармоничного сочетания процессов индустриализации и урбанизации [ЕСА 2017, p. 33].

Конечно, вот уже более полувека страны Восточной Азии в целом развиваются гораздо быстрее, чем другие регионы планеты. Так, например, согласно оценкам Всемирного банка, ВВП стран Восточной Азии, исключая Японию и четверку первых НИС, увеличился по паритету покупательной способности их валют с 2000 по 2016 г. на 250%. Даже если не включать в расчеты Китай, то и тогда прирост составит около 120%, что означает увеличение в 2,2 раза [Mason, Shetty 2019, pp. 32–33]. А сам Всемирный банк уверен в том, что восточноазиатское «чудо» продолжится и в нынешнем веке, хотя в последнее время в его прогнозах насчет

1 Здесь и далее Восточная Азия рассматривается как регион, включающий в себя и Северо-Восточную, и Юго-Восточную Азию – от Японии и Кореи на севере до Индонезии на юге.

2 От испанской и английской аббревиатур Экономической Комиссии ООН по Латинской Америке и Карибскому бассейну.

Азии и появились признаки неуверенности [World Bank 2018].

Но можно ли повторить экономические прыжки «тигров» и взлет «Красного Дракона»? На самом деле все восточноазиатские экономические «чудеса» явились результатом уникального сочетания внешних и внутренних факторов, которое и обусловило успех. И прежде чем призывать повторить опыт восточноазиатских НИС и Китая, нужно разобраться, каковы были эти факторы и существуют ли они сейчас.

Рассмотрим, в первую очередь, внешние факторы, позволившие небольшим и бедным странам региона, а впоследствии и огромному Китаю добиться успехов в модернизации своих экономик и обществ. При этом упор сделан на период с начала модернизации рассматриваемых стран, т. е. с 1960-х гг. до азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., который обозначил важный рубеж в развитии НИС. Именно в этот период проявился синергетический эффект и внешних, и внутренних факторов, которые обусловили выход Восточной Азии на современную траекторию развития, а само значение внешних факторов было максимальным. К сожалению, значение этих внешних факторов либо вовсе игнорируется, либо упоминается вскользь, «по касательной», даже в тех работах российских исследователей, которые по своему качеству в целом соответствуют мировому уровню [Горожанкина 2017, с. 69–70, 80; Мельянцева, Горожанкина 2018, с. 151]. Своеобразное исключение составляет исследование Коргун и Поповой, целиком посвященное изучению внешнеэкономических факторов успеха Южной Кореи [Коргун, Попова 2011], но отнюдь не всей группы НИС.

Что касается внутренних факторов восточноазиатской истории успеха, то их рассмотрение должно стать предметом отдельной статьи.

Слава холодной войне!

Чтобы понять глобальные истоки восточноазиатских «чудес», нужно учитывать ту обстановку в мире, в которой вызревали их «семена». Уже в 1950-е гг. политическим руководителям и США, и СССР стало ясно, что страны «третьего мира» становятся основным полем соперничества двух блоков – кстати, в полном соответствии с предсказанием французского демографа и социолога Альфреда Сови, который и ввел термин «третий мир» в научный и политический оборот [Sauvy 1952, p. 14].

Действительно, каждая из противостоящих сторон в холодной войне стремилась получить союзников в лице поднимающегося «третьего мира» и показать привлекательность именно своего проекта развития для большинства «отверженных Земли». На рубеже 1950–1960-х гг. казалось, что «второй мир» во главе с Советским Союзом начинает захватывать стратегическую инициативу в борьбе за влияние в поднимающемся «третьем мире». Крах диктатур Рохаса Пинильи в Колумбии и Переса Хименеса в Венесуэле³, крушение колониальных империй Англии, Франции и Бельгии в Африке, успешная национально-освободительная война против французских колонизаторов в Алжире и, наконец, победа кубинской революции, провозгласившей себя социалистической, – все это внушало оптимизм борцам против капитализма.

3 Установившиеся в Бразилии и Аргентине диктатуры соответственно в 1964 и 1966 гг. имели другой социально-экономический и политический характер.

Своеобразной квинтэссенцией такого взгляда явилась идея, высказанная Жаном-Полем Сартром в предисловии к книге Франца Фанона «Отверженные Земли»: по мнению французского философа, национально-освободительное движение в «третьем мире» – это и есть путь к низвержению капитализма и к социалистической революции [Sartre 2002, pp. 19–20].

В некоторых случаях ответом США и всего коллективного Запада на подъем революционных волн в тогдашнем «третьем мире» были военная интервенция и организация переворотов во главе с местными «сукиными сынами». Но в то же время в политике Запада по отношению к «третьему миру» наметилась иная, реформистская линия.

Концептуально она восходила к идеям Вудро Вильсона, который считал победивший в Советской России большевизм злом, но таким, которое обусловлено несправедливостями самого капитализма. На практике такой взгляд означал, что самый верный способ предотвратить распространение большевизма – содействовать социально-экономическому развитию и проведению реформ, улучшая капитализм, поддерживая «высочайшие и безупречные стандарты справедливости» [Wilson 1965, p. 471]. Подобный подход к бедным и тогда еще колониальным странам был положен и в основу стратегии Гарри Трумэна в отношении этих стран. Сама стратегия была сформулирована им в инаугурационной речи 20 января 1949 г., четвертый пункт которой касался необходимости для США содействовать их развитию, поскольку такое развитие отвечало бы американским интересам [Shenin 2000, pp. 6–22]. Позже сам Трумэн подчеркивал, что его программа помощи слаборазвитым странам целиком укладывалась в американскую политику «предупреждения экспансии коммунизма» [Truman 1956, pp. 232, 239]. Ад-

министрация Эйзенхауэра уже прекрасно понимала, что «сдерживание коммунизма» не может быть обеспечено только военной силой, а должно опираться также на экономическую помощь и устранение бедности – основы для распространения левых идей. Более того, сам президент и его стратеги решили, что после войны в Корее «коммунистическое наступление» начнется в Юго-Восточной Азии, особенно в Индокитае, поэтому в середине 1950-х гг. Соединенные Штаты начинают уделять большое внимание этому региону [Shenin 2005, pp. 39, 41–46].

При этом американский истеблишмент, не упуская из виду Азию, все же склонялся к тому, чтобы помогать строить «образцовый капитализм» именно в Латинской Америке. Люди, занимавшиеся непосредственно американской политикой в «третьем мире», исходили из того, что, во-первых, в Латинской Америке, по крайней мере, в наиболее крупных странах континента, к середине 1950-х гг. уже состоялась импортозамещающая индустриализация, и там не нужно было начинать развитие с нуля. Во-вторых, Латинская Америка была хорошо «освоена» североамериканским капиталом и отнюдь не являлась для него *terra incognita*. В-третьих, Латинская Америка представляла собой часть, пусть и своеобразную, западной, христианской цивилизации, поэтому восприимчивость народов латиноамериканских стран к западным ценностям и капитализму в целом представлялась чем-то само собой разумеющимся. Создание по инициативе Джона Кеннеди «Союза ради прогресса», предназначенного для завершения модернизации в странах Латинской Америки с помощью США, явилось вполне логичным ответом на «потерю» Кубы. Советы некоторых экспертов, предлагавших, что в политике помощи развитию «третьего мира» нужно сделать

упор на Восточную Азию, долгое время не встречали понимания со стороны тех, кто принимал принципиальные решения в США по этим проблемам. Так, например, представитель американского Агентства по международному развитию (Agency for International Development) на Тайване, узнав, что остров рассматривается в Вашингтоне в качестве кандидата на роль «витрины капитализма» в Азии, якобы воскликнул: «Эти китайцы интересуются только торговлей; они никогда не пойдут в промышленность, работающую на экспорт» (цит. по: [Balassa 1988, p. 275]). В то же время Уолт Ростоу, впоследствии советник администраций Кеннеди и Джонсона, автор известной теории стадий роста, послужившей обоснованием политики модернизации в «третьем мире», уже в середине 1950-х гг. считал, что необходимо примирить западные индивидуалистические ценности с культурой и традициями общества восточноазиатских стран, чтобы направить их по пути модернизации [Rostow 1955, p. 5].

Приступая к опеке над «хилыми копытками», которым надлежало превратиться в «тигров», Соединенные Штаты, во-первых, опирались на Японию и японский опыт реиндустриализации после 1945 г. Да и сама Япония была заинтересована в успешном развитии соседей как в рынках сбыта для своей набиравшей обороты промышленности. (Рынок континентального Китая для Японии был фактически закрыт по политическим мотивам.) Во-вторых, американские оккупационные администрации и их советники в Южной Корее и на Тайване спешествовали аграрной реформе. Они изгнали япон-

цев-помещиков, конфисковав их земли и распределив среди крестьян. Такая мера расчистила почву для развития «нормального капитализма» в сельском хозяйстве, позволив, в конце концов, накормить все население и обеспечить тем самым одно из условий для развития промышленности⁴. Кроме того, более или менее равномерное распределение ресурсов – земли – понизило уровень социально-экономического неравенства, благодаря чему расширился платежеспособный спрос [Jong-Sung You 2014; Jong-Sung You 2017, pp. 539–540, 544–549].

В начале 1960-х гг. в регионе заявил о себе третий – помимо США и СССР – крупный политический игрок с претензией на глобальную роль в мире. Это Китай, представлявший себя в качестве светоча для всех обездоленных и поддерживавший революционную деятельность маоистских подпольных организаций и даже партизанских движений, как было, например, в Малайзии. К тому же в это время разгоралась война во Вьетнаме, в которую все глубже и глубже втягивалась Америка. В этих условиях Соединенные Штаты увеличивали военно-техническую помощь опекаемым ими странам. Так, за 20 лет после изгнания японских колонизаторов с Корейского полуострова, с 1945 по 1965 г., Южная Корея получила военной и экономической помощи на 12 млрд долл., не считая расходов США на войска ООН во время войны в Корее с 1950 по 1953 г. Постепенно, по мере экономического развития страны, значение американской помощи падало; в целом же, однако, за период с 1945 по 1976 г. в пересчете на душу населения эта помощь составила 600 долл.

4 Справедливости ради надо заметить, что промышленность и в Корее, и на Тайване создавалась еще японцами в рамках колониалистской стратегии «со-процветания». В Корее, однако, она была сосредоточена главным образом в северных районах, тогда как южная часть страны оставалась аграрной.

[Westra 2006, p. 18]. Чтобы оценить эту величину, достаточно сказать, что весь произведенный ВВП на душу населения в Южной Корее в 1975 г., по данным Всемирного банка, составил 615 долл. (в текущих ценах по тогдашнему курсу), что было сопоставимо с уровнем некоторых африканских стран, например, Кот-д'Ивуар. Фактически Соединенные Штаты взяли на себя львиную долю расходов по обеспечению военной безопасности Южной Кореи – подобно тому, как ранее они это сделали по отношению к Тайваню, который получал также и экономическую помощь. С 1952 по 1968 г. размер этой помощи составил более 1,7 млрд долл., тогда как военно-техническая помощь была равна 2,3 млрд долл. С 1952 по 1960 г. американская экономическая помощь обеспечивала более 40% всех внутренних капиталовложений на острове; в следующем десятилетии, однако, эта величина сократилась до 12% [Barrett, Whyte 1982, p. 1068].

И все же главный упор в политике США на восточноазиатском направлении делался не на военно-техническую помощь местным союзникам, а на содействие их экономическому развитию. Как подчеркивал вице-президент США Линдон Джонсон в меморандуме, направленном в мае 1961 г. президенту Кеннеди, главная опасность для американских интересов в регионе исходит не от коммунистической угрозы как таковой, а от голода, болезней и бедности, которые эту угрозу питают и которые должны быть главными целями атак, чтобы остановить распространение коммунизма [Rostow 1986, p. 199].

Таким образом, холодная война в Восточной Азии, дополненная к тому же горячими войнами сначала в Корее, а потом во Вьетнаме, сыграла огромную роль в создании фона для модернизационного рывка ряда восточноазиатских стран. Именно холодная вой-

на побудила страны Запада во главе с США содействовать социально-экономическому развитию своих «подопечных» в регионе. Со временем, когда это содействие начало приносить первые плоды, Соединенные Штаты обратили внимание и на «красный» Китай. Визит президента Р. Никсона в Пекин в 1972 г. и установление дипломатических отношений между США и КНР также были обусловлены атмосферой холодной войны и стремлением «осложнить жизнь» Советскому Союзу в этой части планеты.

Однако стратегия США в регионе вряд ли была бы успешной, если бы не встретила понимания со стороны местных политических и деловых элит.

Вассальная зависимость как условие успеха?

Деловые и бюрократические элиты, которые впоследствии стали субъектами модернизации восточноазиатских стран, на протяжении XX в. формировались в большей степени под внешним влиянием, в т. ч. благодаря технической помощи развитых стран и сотрудничеству с ними в сфере образования. В НИС первого поколения такие элиты начали складываться еще в начале столетия, когда Гонконг и Сингапур были британскими, а Тайвань (Формоза) и Корея – японскими колониями. (Здесь не рассматривается роль конфуцианской морально-этической доктрины в становлении особой бюрократической культуры, которая оказалась созвучной задачам догоняющей модернизации под эгидой государства.) В НИС второго поколения (в Малайзии, Таиланде, Индонезии и на Филиппинах) формирование модернизаторских элит протекало медленнее и, строго говоря, не завершилось до сих пор даже в Малайзии, наиболее успешной из стран этой группы. Там

сложились деятельные политико-бюрократические элиты, но в плане бизнеса самыми успешными были представители местных китайских общин, что, между прочим, не раз приводило к серьезным межэтническим трениям и даже к конфликтам.

Было бы неверно думать, что местные элиты, принимая покровительство США, во всем покорно слушались своих покровителей. Да, во внешней политике они безоговорочно следовали за Америкой. Однако во внутренних делах они нередко проявляли строптивость, тогда как Соединенным Штатам приходилось терпеть капризы своих протеже – такая терпимость была своеобразной платой за их полную поддержку во внешнеполитическом плане. Например, уже в 1948 г. американцы хотели провести чистку госаппарата в Южной Корее, изгнав тех чиновников, которых принимали на службу еще японцы. Но будущая правящая верхушка во главе с Ли Сын Маном воспротивилась этому под тем предлогом, что у рекрутировавшихся японцами чиновников есть опыт работы, а других чиновников попросту нет. Американские советники настаивали на том, что в экономике должно быть «больше рынка, меньше государства». Но генерал Пак Чжон Хи, захвативший власть в результате переворота в 1961 г., ввел практику государственного планирования в экономике по пятилеткам (!), что внешне могло казаться следованием примеру СССР, хотя на самом деле корейское планирование было не административным, а индикативным, основанным на использовании рыночных механизмов в экономике. К тому же генерал Пак открыто восхищался Муссолини, за что получал словесные «взбучки» от своих американских покровителей. Интерес Ли Куан Ю и его сподвижников в Сингапуре к идеям и практикам британского социализма также вызывал беспокой-

ство со стороны США. Некоторые «ортодоксы» в американском истеблишменте даже считали Ли Куан Ю чересчур «красным», хотя он без колебаний разделался с местными коммунистами маоистской ориентации. Действительно, Го Кенг Сы, один из его ближайших соратников, даже опубликовал статью о Сингапуре с саркастическим названием «Социалистическая экономика, которая работает» [Goh Keng Swee (1) 1995, pp. 99–106], явно имея в виду, что на свете есть и такие социалистические экономики, которые не работают. Однако увлечения социализмом несколько не помешали сингапурским властям использовать доставшуюся от англичан военно-морскую базу для американского флота и даже обустроить причал для авианосца.

Искренний страх перед лицом советского и китайского влияния объединял местные элиты с глобальной стратегией США. Причем этот страх дополнялся пониманием того, что единственный путь уберечься от коммунизма – провести модернизацию экономики, сделать свои страны современными, покончив с отсталостью и бедностью. Как отмечал Ли Куан Ю в своих воспоминаниях, это был вопрос жизни и смерти: экономическое развитие было условием выживания на политической карте мира [Lee Kuan Yew 2000, p. 133; Castells 1998, pp. 271–272].

Однако мало признать необходимость модернизации. Нужно еще понять, за счет каких ресурсов, как и по какому пути ее проводить. Когда будущие «тигры» первого поколения в начале 1960-х гг. приступали к своей модернизации, у них, на первый взгляд, был довольно широкий выбор образцов для подражания [Valaskakis 2002, p. 282]. Тогда существовал целый «набор капитализмов», каждый из которых работал весьма неплохо: американский, японский, французский (дирижизм), запад-

но-германский (социальное рыночное хозяйство), шведский (с ярко выраженными элементами социализма) и другие, менее заметные, но не менее эффективные. Обозначились также и разные модели социализма: помимо опробованной советской с тотальным государственным управлением экономики, была еще и китайская модель, которая до начала экспериментов с «большим скачком» (1958–1962 гг.) развивалась быстрыми темпами и в которой существовал частный сектор, представленный небольшими и средними предприятиями. Неплохие результаты показывала югославская модель на базе «социалистического самоуправления», в которой большую роль играли конкурентные, рыночные отношения при относительной – по сравнению с СССР и Китаем – открытости внешнему миру. Была своя модель и в Польше, где наряду с государственной крупной промышленностью сохранялась частная розничная торговля и система крестьянских хозяйств с частной собственностью на землю. Был еще и т. н. арабский социализм, подававший в то время надежды на успех. Наконец, хорошие результаты в ряде стран Латинской Америки успела показать импортозамещающая индустриализация, пропагандируемая Экономической Комиссией ООН по региону.

Но на самом деле возможности для выбора той или иной модели развития у инициаторов восточноазиатской модернизации были не так уж и велики. Ряд моделей с чересчур сильным «социалистическим душком» отвергался сразу по идейно-политическим соображениям. Как говорится, не для того боролись с влиянием советского или китайского коммунизма, чтобы использовать потом их модели развития у себя дома, хотя, например, в Сингапуре очень внимательно следили за тем, что и как делалось и в СССР, и в «крас-

ном» Китае. Точное копирование моделей, сложившихся тогда в развитых капиталистических странах, также было неуместно, поскольку у будущих «тигров» не было тех условий, которые существовали в США, Британии или Западной Германии. Единственным образцом, который более или менее соответствовал ситуации в рассматриваемых странах, была Япония, принадлежавшая к Западу не в социокультурном, а в экономическом и военно-политическом плане. Что же касается молодых государств Азии и Африки, только что освободившихся тогда от колониализма, то они никак не могли привлечь внимание инициаторов модернизации в Восточной Азии. Уже в середине 1960-х гг., когда первые НИС начинали «выруливать на взлет» (for take-off, согласно теории стадий роста Уолта Ростоу), во многих развивающихся странах Азии и Африки программы ускоренного развития, освященные авторитетом ООН и разного рода экономическими «чудотворцами», уже начинали пробуксовывать, не успев начать осуществляться. Упомянувшийся выше Го Кенг Сы даже заметил, что провозглашенное ООН «десятилетие развития» 1960-х на деле оказывается «десятилетием разочарования» [Goh Keng Swee (2) 1995, p. 28].

Не слишком привлекательной для будущих «тигров» была и стратегия импортозамещающей индустриализации по латиноамериканскому образцу, хотя изъяны этой стратегии стали ясны чуть позже. У малых стран Восточной Азии даже потенциально не было столь емкого внутреннего рынка, который существовал в Аргентине, Бразилии или Мексике, и уже по этой причине стратегия импортозамещения не годилась для Тайваня или Южной Кореи, не говоря о Сингапуре. Кстати, эксперименты с импортозамещающей индустриализацией проводились в 1950-е гг. и в Корею, и

на Тайване, а чуть позже – и в Малайзии. По существу это была своего рода «подготовительная работа» перед последовавшим затем индустриальным бумом [Cumings 1987, pp. 66–69; Jomo 1997, pp. 95–98; Ranis 1979, pp. 211–221; Rasiah 2003, pp. 32–41; Wade 1990, pp. 77–90; Wong 1979, pp. 52–92, 163–182], но заметных результатов она не принесла и была столь скоротечной, что многие исследователи вовсе игнорируют этот этап в истории НИС, что, конечно, не совсем правильно с научной точки зрения.

Отцы форсированных модернизаций в Восточной Азии – при всей своей относительной самостоятельности во внутренних делах – должны были учитывать, приступая к преобразованиям, интересы и возможности своих «старших друзей», защищавших их от советского или китайского влияния. Эти интересы заключались не только в том, чтобы сдерживать распространение коммунизма, но и привязать опекаемые страны экономически к капиталистической системе. И если раньше, при Трумэне и в первые годы президентства Эйзенхауэра, речь шла об импорте из этих стран сырья в Японию, Западную Европу и, в меньшей степени, в США, то уже в конце 1950-х гг. стратеги американской политики в «третьем мире» начали задумываться о том, не превратить ли некоторых своих подопечных в экспортеров промышленных товаров. Ведь, в конце концов, тогда уже стало ясно, что специализация страны на экспорте сырья и аграрной продукции не позволяет создать стабильно развивающийся капитализм. К тому же Тайваню и Сингапуру просто нечего было экспортировать, да и в Южной Корее не было больших запасов сырья для экспорта, тогда как рядом был успешный пример Японии. Тогда, на рубеже 1950–1960-х гг., Япония представлялась страной, чей опыт модернизации после войны казался наибо-

лее приемлемым для будущих НИС, хотя те относились к Японии весьма настороженно: их память о «подвигах» японцев в регионе в годы войны никуда не исчезла. И Соединенным Штатам пришлось приложить большие усилия, чтобы примирить Южную Корею, Тайвань, Сингапур и Малайзию с Японией и ее бывшим союзником, Таиландом. Так, дипломатические отношения между Японией и Республикой Корея были установлены только благодаря подписанию при посредничестве США Базового договора об отношениях между двумя странами в 1965 г., через семнадцать лет после образования южнокорейского государства.

Наконец («наконец» по счету и в хронологическом порядке, но не по важности!), существовал еще и сугубо экономический фактор, определивший выбор модели развития для рассматриваемых стран (а со временем он оказался социально-экономическим). Этот фактор находился в самих развитых странах Запада и был обусловлен эволюцией позднеиндустриального, фродистско-кейнсианского капитализма.

Кризис позднеиндустриального капитализма – фактор восточного «чуда»

Середина 1960-х гг. в странах Запада казалась временем расцвета капитализма. Никогда – ни до, ни после этого времени – западной цивилизации не удавалось столь успешно сочетать высокую экономическую эффективность с социальной справедливостью. Недаром именно тогда с подачи Питирима Сорокина зародилась и начала распространяться теория конвергенции капитализма и социализма. Но, как известно, у счастья и благополучия век недолог.

Уже во второй половине 1960-х гг. в США, а чуть позже и в Западной Ев-

ропе началось снижение эффективности экономики. Экономисты вспомнили закон тенденции нормы прибыли к понижению, сформулированный Рикардо и Марксом. Крупные корпорации, главные экономические локомотивы, утрачивали свой былой динамизм, предпочитая стабильность и предсказуемость непредвиденным неожиданностям рынка. Сохранение контроля над освоенными рынками представлялось им более значимым, чем следование превратностям конкуренции в надежде на неясный успех. Но при этом олигополистическая конкуренция – конкуренция по качеству товаров, упаковке, послепродажному обслуживанию, если это касалось технически сложных предметов потребления или оборудования, и т. д. – вынуждала фирмы постоянно обновлять выпускаемый ассортимент. Отсюда – необходимость держать дополнительные резервные мощности, чтобы всегда иметь возможность быстро наладить выпуск новой продукции. Это вело к росту издержек производства. Постоянные инновации не компенсировали снижающуюся эффективность.

Кроме того, в те же 1960-е гг. западные экономики столкнулись с таким явлением, как *кризис труда*. Оно имело два взаимосвязанных друг с другом аспекта.

Во-первых, рутинная работа, которую должно было выполнять большинство наемных работников, никак не соответствовала их уровню образования, полученного в средней школе, колледже или даже университете [Gyllenhammar 1977, pp. 9–10]. Этот уровень образования, ставший своего рода экономической необходимостью для позднего индустриального капитализма, побуждал работников требовать не только повышения заработной платы, но и нового содержания труда, в частности, возможности для самореализации в процессе работы.

Во-вторых, рост благосостояния государства с многочисленными социальными льготами и пособиями обесценивал значение заработной платы как основного дохода. Порой оказывалось, что выгоднее и проще не работать, получая пособия, чем работать и к тому же платить налоги [Carton 1984, pp. 19–25]. Очевидно, это подрывало присущую капитализму трудовую этику и не побуждало к качественной работе.

Выход из кризиса труда состоял не столько в увеличении заработной платы, сколько в преодолении отчуждения труда, в повышении всесторонней, а не только материальной заинтересованности работников в своем труде. Важным способом решения этой проблемы явилось расширение самоуправления рабочих на производстве и использование опыта японских компаний по созданию т. н. кружков качества и «обогащение трудовых задач». Объективно это расширяло сферу индивидуальной автономии и творческой активности работников, косвенно содействуя росту эффективности производства. Но в то же время такая практика бросала вызов монополии капитала на управление производством, ставила под сомнение контроль над рабочими с его стороны [Aglietta 1976, pp. 107–108; Bernoux, Ruffier 1974, pp. 387–394; Durand 1974, p. 365]. Ответом на этот вызов власти капитала могли быть автоматизация и роботизация производства, для которой тогда уже созрели технические предпосылки, а также перемещение части производственных мощностей на Восток и на Юг. Причем азиатский Восток выглядел предпочтительнее, учитывая дисциплинированность рабочей силы и более низкий стартовый уровень заработной платы, чем в Латинской Америке.

Соединенные Штаты, поддерживая ускоренную индустриализацию в Восточной Азии, открыли свой внутренний

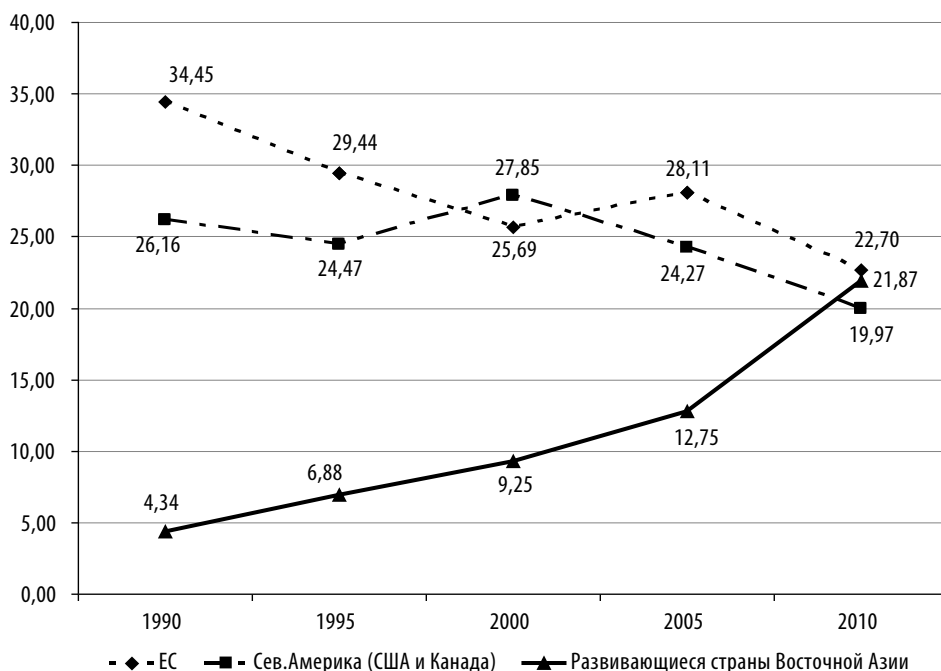
рынок для дешевых промышленных товаров из стран региона. Поначалу это было сделано, скорее, по политическим, чем по сугубо экономическим мотивам, но со временем приобрело и экономический смысл. Ускорила относительная деиндустриализация экономики в США, Канаде и западноевропейских странах, начавшаяся еще в 1950–1960-е гг.⁵ Фактически это означало своеобразное *освобождение капитала от труда* в странах центра мировой системы.

Когда на рубеже 1970–1980-х гг. в западных странах начался сдвиг в сторону неолиберализма в экономической по-

литике (тэтчеризм в Великобритании и рейганомика в США – хрестоматийные примеры этого сдвига), левые и кейнсианские критики неолибералов справедливо расценили его как социальный реванш капитала по отношению к наемному труду. Они показывали, на сколько процентов сократились те или иные расходы на социальные нужды. Однако на деле это сокращение было не столь уж и значительным. Главным направлением социального реванша стало именно открытие рынков высокоразвитых стран для промышленных товаров из некоторых стран Латинской Америки, в част-

Рисунок 1. Изменение долей крупных регионов в стоимости, добавленной переработкой, в обрабатывающей индустрии мира в 1990–2010 гг., %

Fig. 1. Changes in the Share of Major Regions in Value, Added by Processing in the Manufacturing Industry of the World in 1990-2010, %

Составлено автором по данным ЮНКТАД (UNCTAD database).

⁵ В данном случае речь идет именно об относительной деиндустриализации: доля обрабатывающей промышленности в ВВП и доля занятых в ней работников сокращались, хотя физические и, главное, стоимостные объемы ее выпуска продолжали увеличиваться, но медленнее, чем росла сфера услуг.

ности, из Мексики, и в большей степени – из новых индустриализирующихся стран Азии. Обострение конкуренции со стороны растущих вслед за Японией «тигров», а позже и Китая, заставило свернуть производство в ряде отраслей обрабатывающей промышленности стран Запада, сделав их профсоюзы более сговорчивыми. И по мере того как продолжалась деиндустриализация западных экономик (а она началась раньше, чем бурная индустриализация в Азии!), росла индустрия в странах Восточной Азии, включая впоследствии и Китай. Сокращение доли Запада в мировом промышленном производстве сопровождалось увеличением соответствующей доли Восточной Азии, что иллюстрируется рисунком 1.

Разумеется, данный рисунок не раскрывает, какова технологическая сложность выпускаемой продукции в каждом регионе, но она показывает, что успех «тигров» неотделим от изменений в структуре экономики высокоразвитых стран. Строго говоря, это было то самое *ассоциированно-зависимое развитие* азиатских стран, концепция которого была сформулирована Ф.Э. Кардозу и Э. Фалетто для стран Латинской Америки еще в конце 1960-х гг. [Cardoso 1972, pp. 88–94; Cardoso 2007; Cardoso, Faletto 1970, pp. 135, 144–150]. Вопреки утверждениям теоретиков зависимости и зависимого развития, эта концепция отнюдь не исключала возможности быстрого индустриального роста для развивающихся стран при сохранении их зависимости от развитых стран.

Речь в данном случае идет не столько о внешнеполитической зависимости (см. выше), сколько о внешнеэкономической. Последняя выступала прежде всего как зависимость НИС от внеш-

них рынков сбыта их промышленной продукции. Эти же рынки были источником новых технологий и оборудования для их растущей промышленности. В отличие от стран Латинской Америки, в частности Бразилии и Мексики, где иностранные займы и прямые инвестиции играли огромную роль в создании новых отраслей индустрии, иностранные компании занимали весьма скромное место в общем объеме капиталовложений в экономику растущих «тигров». Так, среди НИС первого поколения максимальная доля прямых иностранных инвестиций во всех инвестициях в экономику была на рубеже 1980–1990-х гг. в Сингапуре 29,4% (напоминаю, что здесь рассматривается период до 1997 г.). В Южной Корее и на Тайване эта доля не превышала 3,5%. Несколько большее значение иностранные инвестиции имели для роста «тигров» второго поколения уже в 1980–1990-х гг. Там они были представлены по преимуществу японскими корпорациями и компаниями от старших «собратьев по тигриности» – из Южной Кореи, Тайваня и Сингапура. В НИС второго поколения вес прямых иностранных инвестиций в общем объеме капиталовложений в основной капитал в период бурного роста этих стран (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.) достигал своего максимума в Малайзии – 23–26% [UNCTAD 1994, p. 73; UNCTAD 1996, p. 257]. Эти инвестиции были важны скорее как источники новых технологий и новой культуры управления, что имело большое значение для стран, бывших до недавнего времени аграрными.

Экспортная экспансия восточноазиатских НИС в период их подъема (т. е. до середины 1990-х гг.)⁶ явилась важ-

6 Азиатский кризис 1997–1998 гг. обозначил предел как самого восточноазиатского «чуда», так и догоняющих модернизаций в целом. Его рассмотрение – предмет особого исследования.

ным условием их экономического роста в целом. Доходы от экспорта (включая реэкспорт) являлись важным источником накопления для расширения уже действующего и создания нового производства. Динамика роста экспорта НИС обоих поколений по отношению к их ВВП представлена в таблице 1⁷.

Экспортная экспансия Китая началась, как известно, позже, уже в 1990-е гг., и, создав конкуренцию НИС, способствовала замедлению роста их экспорта, что потом отчасти обусловило азиатский кризис 1997–1998 гг. Достаточно сказать, что с 1980 г., т. е. начала китайских реформ, соотношение объема товарного экспорта из Китая и его ВВП неуклонно росло, достигнув к 2005 г. 33,3%, а затем начало снижать-

ся в связи с переориентацией экономики на внутренний спрос. К 2015 г. оно составило 25,9% с последующим понижением⁸.

Кризис 2008–2009 гг. обозначил предел той модели мировой экономики, в которую удачно вписались сначала «тигры», а впоследствии и Китай. И если кризис 1997–1998 гг. символизировал окончание «чуда» НИС, то глобальная рецессия 2008–2009 гг. поставила и Китай, и страны Запада перед необходимостью серьезной структурной перестройки экономики и социальной сферы. «Количественное смягчение», т. е. «заливание» экономики деньгами, явилось на самом деле паллиативной мерой, которая, скорее, смягчила симптомы болезни, но не устранила ее причины.

Таблица 1. Экспорт товаров (без экспорта услуг) из НИС Восточной Азии (млн долл.) и по отношению к ВВП (%) в 1960–1995 гг.

Table 1. Exports of Goods (Excluding Services) from East Asian New Industrial States (USD million) and in Relation to GDP (%) in 1960-1995.

Страны и территории	Экспорт, млн долл. в текущих ценах					Отношение экспорта товаров к ВВП, %				
	1960	1970	1980	1990	1995	1960	1970	1980	1990	1995
Гонконг*	689	2515	20323	82390	173871	52,2	66,2	70,4	107,1	120,2
Корея, Респ.	32	836	17512	65016	125058	0,8	9,3	26,9	23,3	22,5
Сингапур	1136	1554	19376	52730	118268	161,1	60,1	162,9	179,9	134,7
Тайвань, провинция	–	–	22516**	67036	111364	–	–	46,8 *)	41,9	42,8
Малайзия	1187	1687	12945	29452	73915	62,0	43,7	52,9	66,9	83,3
Таиланд	407	710	6505	23068	56439	14,7	10,0	20,1	27,0	33,3
Индонезия	841	1108	21909	25675	45417	–	12,1	30,2	24,2	22,5

Примечания:

* с учетом реэкспорта из континентального Китая через Гонконг. По данным Азиатского банка развития, в 1995 г. общий экспорт из Гонконга примерно в 6 раз превышал «чистый» экспорт из тогда еще британской колонии.

** 1981 г.

Источник: Trade // World Bank // <https://data.worldbank.org/topic/trade?view=chart>; Economy and Growth // World Bank // <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.ZS?view=chart>, дата обращения 22.06.2020; данные по Тайваню рассчитаны автором по: Key Indicators of Developing Asian and Pacific Countries 1999 (1999) // Asian Development Bank, Hong Kong: Oxford University Press, pp. 312–313, 318–321.

7 До начала нынешнего столетия экспорт услуг из рассматриваемых стран, кроме Гонконга и Сингапура, занимал весьма скромное место в их экспорте, заметно уступая экспорту товаров, поэтому здесь представлены данные именно по товарному экспорту.

8 По данным Всемирного банка (см. примечание к табл. 1).

Мировая пандемия коронавируса сыграла роль триггера, спускового механизма глобального кризиса, но она отнюдь не была его причиной. Причина – в накопившихся диспропорциях как в мировой экономике, так и в социальном развитии, в исчерпанности той модели, которая функционировала на протяжении почти полувека и позволила ряду стран Восточной Азии, включая, конечно, Китай, подняться из отсталости и нищеты к современным экономическим высотам. И коль скоро возврат к этой модели невозможен, не будет уже и тех внешних экономических условий, которые обеспечили восточноазиатское «чудо».

***

Сегодня в мире отсутствуют все основные внешние условия, позволившие ряду малых и бедных стран Восточной Азии провести успешную модернизацию и достичь высокого уровня развития. Ушла в прошлое холодная война как соперничество двух моделей развития и двух идеологий, которые обе, кстати, имели западное происхождение и общие корни. Ни Соединенным Штатам, ни любой другой западной стране сегодня не нужно беспокоиться о создании «хорошего капитализма» в какой-либо бедной стране, чтобы показать преимущества капитализма над социализмом. Грандиозный китайский проект «Один пояс – один путь» является не альтернативой капитализму, а одним из его вариантов, к тому же плотно опекаемым государством. Структурные сдвиги в экономике развитых стран, которые ускорятся после пандемии и рецессии, вряд ли откроют новые ниши на рынках этих стран, куда могли бы устремиться новые поколения потенциальных НИС со своей дешевой, но качественной продукцией. Ни Пакистану, ни Бангладешу, не говоря уже о бедных африканских стра-

нах, не удастся далеко продвинуться с их рубашками и полотенцами так, чтобы сделать их экспорт источником накопления для роста современной индустрии и тем более постиндустриальной экономики знаний.

Наконец, нельзя забывать о том, что, помимо внешних условий, существовали еще и внутренние условия восточноазиатского «чуда». Но их рассмотрение является предметом отдельного исследования.

Список литературы

Горожанкина А.А. (2017) Благоприятные факторы и ограничения экономического развития Республики Корея на современном этапе // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. № 2. С. 63–84 // https://elibrary.ru/download/elibrary_29841917_97817513.pdf, дата обращения 22.06.2020.

Коргун И.А., Попова Л.В. (2011) Внешнеэкономический фактор в развитии Республики Корея (1950–2011 гг.). СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.

Мельянцев В.А., Горожанкина А.А. (2018) Южнокорейское чудо, или не боги горшки обжигают // Восток (Oriens). № 3. С. 148–162. DOI: 10.31857/S086919080000052-4

Aglietta M. (1976) Régulation et Crise du Capitalisme. L'expérience des États-Unis, P.: Calmann-Lévy.

Balassa B. (1988) The Lessons of East Asian Development: An Overview // Economic Development and Cultural Change, vol. 36, no 3, Supplement, pp. S273–S290.

Barrett R.E., Whyte M.K. (1982) Dependency Theory and Taiwan: Analysis of a Deviant Case // American Journal of Sociology, vol. 87, no 5, pp. 1064–1089.

Bernoux Ph., Ruffier J. (1974) Les Groupes Semi-autonomes de Produc-

tion // *Sociologie du Travail*, vol. 16, no 4, pp. 383–401.

Cardoso F.H. (1972) *Dependency and Development in Latin America* // *New Left Review*, no 74, pp. 83–95.

Cardoso F.H. (2007) *Análise e Memória (recordações de Enzo Faletto)* // *Tempo Social*, vol. 19, no 1, pp. 215–221. DOI: 10.1590/S0103-20702007000100011

Cardoso F.H., Faletto E. (1970) *Dependencia y Desarrollo en América Latina. Ensayo de Interpretación Sociológica*, México: Siglo XXI (1-ra edición – 1969).

Carton M. (1984) *L'éducation et le Monde de Travail*, P.: UNESCO.

Castells M. (1998) *The Information Age: Economy, Society and Culture* (in three volumes). Vol. III. *End of Millennium*, Oxford (U.K.), Malden (Ma): Blackwell Publishers.

CEPAL (2012). *Cambio Estructural para la Igualdad: Una Visión Integrada del Desarrollo*, Santiago de Chile: NU.

Cumings B. (1987) *The Origins and Development of the Northeast Asian Political Economy: Industrial Sectors, Product Cycles, and Political Consequences* // *The Political Economy of the New Asian Industrialisation* (ed. Deyo F.C.), Ithaca (New York): Cornell University Press, pp. 44–83.

Durand C. (1974) *Les Politiques Patronales d'Enrichissement des Tâches* // *Sociologie du Travail*, vol. 16, no 4, pp. 358–379. DOI:10.3406/sotra.1974.1801

ECA (the UN Economic Commission for Africa) (2012). *Economic Report on Africa: Unleashing Africa's Potential as a Pole of Global Growth*, Addis Ababa: ECA.

ECA (2017). *Economic Report on Africa: Greening Africa's Industrialization*, Addis Ababa: ECA.

Fajnzylber F. (1983) *La Industrialización Trunca de América Latina*, México: Nueva Imagen.

Fajnzylber F. (1) (1990) *Industrialización en América Latina: De la “Caja Negra” al “Casillero Vacío”*. Comparación de

Patrones Contemporáneos de Industrialización (Cuadernos de la CEPAL. No. 60), Santiago de Chile: Naciones Unidas.

Fajnzylber F. (2) (1990) *Industrialization in Latin America: From the “Black Box” to the “Empty Box”*, Santiago de Chile: United Nations.

Goh Keng Swee (1) (1995) *A Socialist Economy that Works* // Goh Keng Swee. *The Practice of Economic Growth*, Singapore et al.: Federal Publications, pp. 94–106.

Goh Keng Swee (2) (1995) *Some Delusions of the Decade of Development* // Goh Keng Swee. *The Economics of Modernization*, Singapore et al.: Federal Publications, pp. 27–35.

Gyllenhammar P.G. (1977) *People at Work*, Reading (Mass.): Addison-Wesley.

Jomo K.S. (1997) *Malaysia* // *South-east Asia's Misunderstood Miracle: Industrial Policy and Economic Development in Thailand, Malaysia and Indonesia* (ed. Jomo K.S.), Boulder (Col.), Oxford: Westview Press, pp. 89–120.

Jong-Sung You (2014) *Land Reform, Inequality, and Corruption: A Comparative Historical Study of Korea, Taiwan, and the Philippines* // *The Korean Journal of International Studies*, vol. 12, no 1, pp. 191–224. DOI: 10.14731/kjis.2014.06.12.1.191

Jong-Sung You (2017) *Demystifying the Park Chung-Hee Myth: Land Reform in the Evolution of Korea's Developmental State* // *Journal of Contemporary Asia*, vol. 47, no 4, pp. 535–556. DOI: 10.1080/00472336.2017.1334221

Lee Kuan Yew (2000) *From Third World to First. The Singapore Story: 1965–2000. Memoirs of Lee Kuan Yew*, Singapore: Times.

Mason A., Shetty S. (2019) *A Resurgent East Asia: Navigating a Changing World*. World Bank East Asia and Pacific Regional Report, Washington, DC: World Bank.

Ranis G. (1979) *Industrial Development* // *Economic Growth and Structural Change in Taiwan: The Postwar Experi-*

ence of the Republic of China (ed. Galenson W.), Ithaca (New York): Cornell University Press, pp. 206–262.

Rasiah R. (2003) Manufacturing Export Growth in Indonesia, Malaysia and Thailand // *Southeast Asian Paper Tiger? From Miracle to Debacle and Beyond* (ed. Jomo K.S.), London, New York: Routledge, Curzon, pp. 19–80.

Rostow W.W. (in collaboration with R.W. Hatch) (1955) *An American Policy in Asia*, Cambridge (Mass.): Press of MIT, New York: J. Wiley, London: Chapman & Hall.

Rostow W.W. (1986) *The United States and the Regional Organization of Asia and the Pacific, 1965–1985*, Austin: University of Texas Press.

Sartre J.-P. (2002) Préface à l'Édition de 1961 // Fanon F. *Les Damnés de la Terre*, Paris: La Découverte/Poche, pp. 17–36 (la 1-ère édition – 1961).

Sauvy A. (1952) *Trois Mondes, Une Planète* // *L'Observateur*, August 14, 1952 // <http://www.homme-moderne.org/societe/demo/sauvy/3mondes.html>, дата обращения 22.06.2020.

Shenin S.Y. (2000) *The United States and the Third World: The Origins of the Postwar Relations and the Point Four program (1949–1953)*, New York: Nova Science Publishers.

Shenin S.Y. (2005) *America's Helping Hand: Paving the Way to Globalization (Eisenhower's Foreign Aid Policy and Politics)*, New York: Nova Science Publishers.

Truman H. (1956) *Memoirs by Harry Truman. Volume Two. Years of Trial and Hope*, Garden City (New York): Doubleday & Co, Inc.

UNCTAD (1994). *World Investment Report. Transnational Corporations, Employment and the Workplace*, New York, Geneva: United Nations.

UNCTAD (1996). *World Investment Report. Investment, Trade and International Policy Arrangements*, New York, Geneva: United Nations.

Valaskakis K. (2002) Development with a Big D: A 21-st Century Mission for the OECD? // *Development Is Back* (eds. Braga de Macedo J., Foy C., Oman Ch.), Paris: OECD, pp. 281–284.

Wade R. (1990) *Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization*, Princeton (N.J.): Princeton University Press.

Westra R. (2006) The Capitalist Stage of Consumerism and South Korean Development // *Journal of Contemporary Asia*, vol. 36, no 1, pp. 3–25. DOI: 10.1080/00472330680000021

Wilson W. (1965) *The Road away from Revolution* (first published in August 1923) // Wilson W. *A Day of Dedication: The Essential Writings and Speeches of Woodrow Wilson*, New York: The Macmillan Co, L.: Collier-Macmillan Ltd., pp. 469–471.

Wong J. (1979) *ASEAN Economies in Perspective: A Comparative Study of Indonesia, Malaysia, The Philippines, Singapore & Thailand*, L., Basingstoke: The Macmillan Press.

World Bank (2018). *Riding the Wave: An East Asian Miracle for the 21st Century. World Bank East Asia and Pacific Regional Report*, Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1145-6

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-1

Is It Possible to Repeat the Experience of East Asia? The External Factors of East Asian 'Miracle'

Victor A. KRASILSHCHIKOV

DSc in Economics, Chief Researcher

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117997, Nakhimovskiy Av., 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: f1victor@mtu-net.ru

ORCID: 0000-0003-1402-3310

CITATION: Krasilshchikov V.A. (2020) Is It Possible to Repeat the Experience of East Asia? The External Factors of East Asian 'Miracle'. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 3, pp. 7–26 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-3-1

Received: 08.04.2020.

ABSTRACT. *The paper focuses on the widespread presupposition about a possibility for the developing countries beyond the East Asian region to follow the development path of the newly industrialised countries (NICs) of East and Southeast Asia known as 'tigers'. The author underlines that the 'tigers' success story was the effect of fortune combination of the external and internal factors of fast modernisation of the countries under scrutiny. The subject of the given paper is a set of the external factors of the East Asian 'miracle'.*

In the author's opinion, there were three main external factors of successful development in the East Asian NICs. Firstly, there was a strong influence of cold war in the region. Since the early-1960s the rivalry between the USSR and USA was here 'supplemented' by pretensions of the Maoist China to the role of 'torch' for the poor and wretched peoples of Asia. Thus, there was the specific triangle of foreign forces that operated in the region. The US ruling circles con-

ceived that the best way to 'the containment of communism' was to create a show case of 'good capitalism': to eradicate mass poverty, to build contemporary effective economy, to open the channels of vertical social mobility for youth, and, thereby, to erode the social soil for the Leftist ideas.

Secondly, the business and political leaders of the considerable countries understood a necessity to modernise their economies. The local elites, being in vassal dependency on the American protection, were obliged to follow the path of development that corresponded mostly to the interests of US. This circumstance determined, to a big degree, a choice of the outward-looking industrialisation.

Thirdly, the export-oriented industrialisation in East Asia coincided with profound structural changes in Western economies. The NICs could occupy niches at the internal markets of industrial countries, exporting their manufactured goods to the West. It provided the growth of incomes for further

accumulation. *The neoconservatism in politics and neoliberalism in economics in the West helped to the East Asian 'tigers' to carry out their modernisation.*

Since the called external factors of East Asian 'miracle' do not recently exist in other developing regions, the author comes to conclusion that none of these regions can repeat the success story of the Asian NICs.

KEY WORDS: China, cold war, East Asia, Korea, modernisation, Singapore, Taiwan, USA, USSR

References

- Aglietta M. (1976) *Régulation et Crise du Capitalisme. L'expérience des États-Unis*, P.: Calmann-Lévy.
- Balassa B. (1988) The Lessons of East Asian Development: An Overview. *Economic Development and Cultural Change*, vol. 36, no 3, Supplement, pp. S273–S290.
- Barrett R.E., Whyte M.K. (1982) Dependency Theory and Taiwan: Analysis of a Deviant Case. *American Journal of Sociology*, vol. 87, no 5, pp. 1064–1089.
- Bernoux Ph., Ruffier J. (1974) Les Groupes Semi-autonomes de Production. *Sociologie du Travail*, vol. 16, no 4, pp. 383–401.
- Cardoso F.H. (1972) Dependency and Development in Latin America. *New Left Review*, no 74, pp. 83–95.
- Cardoso F.H. (2007) Análise e Memória (recordações de Enzo Faletto). *Tempo Social*, vol. 19, no 1, pp. 215–221. DOI: 10.1590/S0103-20702007000100011
- Cardoso F.H., Faletto E. (1970) *Dependencia y Desarrollo en América Latina. Ensayo de Interpretación Sociológica*, México: Siglo XXI (1-ra edición – 1969).
- Carton M. (1984) *L'éducation et le Monde de Travail*, P.: UNESCO.
- Castells M. (1998) *The Information Age: Economy, Society and Culture* (in three volumes). Vol. III. End of Millennium, Oxford (U.K.), Malden (Ma): Blackwell Publishers.
- CEPAL (2012). *Cambio Estructural para la Igualdad: Una Visión Integrada del Desarrollo*, Santiago de Chile: NU.
- Cumings B. (1987) The Origins and Development of the Northeast Asian Political Economy: Industrial Sectors, Product Cycles, and Political Consequences. *The Political Economy of the New Asian Industrialisation* (ed. Deyo F.C.), Ithaca (New York): Cornell University Press, pp. 44–83.
- Durand C. (1974) Les Politiques Patronales d'Enrichissement des Tâches. *Sociologie du Travail*, vol. 16, no 4, pp. 358–379. DOI:10.3406/sotra.1974.1801
- ECA (the UN Economic Commission for Africa) (2012). *Economic Report on Africa: Unleashing Africa's Potential as a Pole of Global Growth*, Addis Ababa: ECA.
- ECA (2017). *Economic Report on Africa: Greening Africa's Industrialization*, Addis Ababa: ECA.
- Fajnzylber F. (1983) *La Industrialización Trunca de América Latina*, México: Nueva Imagen.
- Fajnzylber F. (1) (1990) *Industrialización en América Latina: De la "Caja Negra" al "Casillero Vacio". Comparación de Patrones Contemporáneos de Industrialización* (Cuadernos de la CEPAL. No. 60), Santiago de Chile: Naciones Unidas.
- Fajnzylber F. (2) (1990) *Industrialization in Latin America: From the "Black Box" to the "Empty Box"*, Santiago de Chile: United Nations.
- Goh Keng Swee (1) (1995) A Socialist Economy that Works. Goh Keng Swee. *The Practice of Economic Growth*, Singapore et al.: Federal Publications, pp. 94–106.
- Goh Keng Swee (2) (1995) Some Delusions of the Decade of Development. Goh Keng Swee. *The Economics of Modernization*, Singapore et al.: Federal Publications, pp. 27–35.
- Gorozhankina A.A. (2017) The Favorable Factors and Constraints of the

Republic of Korea's Economic Growth at the Present Stage of Development. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serie 13. Vostokovedenie*, no 2, pp. 63–84. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_29841917_97817513.pdf, accessed 22.06.2020 (in Russian).

Gyllenhammar P.G. (1977) *People at Work*, Reading (Mass.): Addison-Wesley.

Jomo K.S. (1997) Malaysia. *Southeast Asia's Misunderstood Miracle: Industrial Policy and Economic Development in Thailand, Malaysia and Indonesia* (ed. Jomo K.S.), Boulder (Col.), Oxford: Westview Press, pp. 89–120.

Jong-Sung You (2014) Land Reform, Inequality, and Corruption: A Comparative Historical Study of Korea, Taiwan, and the Philippines. *The Korean Journal of International Studies*, vol. 12, no 1, pp. 191–224. DOI: 10.14731/kjis.2014.06.12.1.191

Jong-Sung You (2017) Demystifying the Park Chung-Hee Myth: Land Reform in the Evolution of Korea's Developmental State. *Journal of Contemporary Asia*, vol. 47, no 4, pp. 535–556. DOI: 10.1080/00472336.2017.1334221

Korgun I.A., Popova L.V. (2011) *The External Economic Factor of the Republic of Korea's Development (1950–2011)*, Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publishing House (in Russian).

Lee Kuan Yew (2000) *From Third World to First. The Singapore Story: 1965–2000. Memoirs of Lee Kuan Yew*, Singapore: Times.

Mason A., Shetty S. (2019) *A Resurgent East Asia: Navigating a Changing World. World Bank East Asia and Pacific Regional Report*, Washington, DC: World Bank.

Meliantsev V.A., Gorozhankina A.A. (2018) South Korea's Miracle, or Not Gods but Humans Make Pots. *Vostok (Oriens)*, no 3, pp. 148–162 (in Russian). DOI: 10.31857/S086919080000052-4

Ranis G. (1979) Industrial Development. *Economic Growth and Structural Change in Taiwan: The Postwar Experi-*

ence of the Republic of China (ed. Galenson W.), Ithaca (New York): Cornell University Press, pp. 206–262.

Rasiah R. (2003) Manufacturing Export Growth in Indonesia, Malaysia and Thailand. *Southeast Asian Paper Tiger? From Miracle to Debacle and Beyond* (ed. Jomo K.S.), London, New York: Routledge, Curzon, pp. 19–80.

Rostow W.W. (in collaboration with R.W. Hatch) (1955) *An American Policy in Asia*, Cambridge (Mass.): Press of MIT, New York: J. Wiley, London: Chapman & Hall.

Rostow W.W. (1986) *The United States and the Regional Organization of Asia and the Pacific, 1965–1985*, Austin: University of Texas Press.

Sartre J.-P. (2002) Préface à l'Édition de 1961. *Fanon F. Les Damnés de la Terre*, Paris: La Découverte/Poche, pp. 17–36 (la 1-ère édition – 1961).

Sauvy A. (1952) Trois Mondes, Une Planète. *L'Observateur*, August 14, 1952. Available at : <http://www.homme-moderne.org/societe/demo/sauvy/3mondes.html>, accessed 22.06.2020.

Shenin S.Y. (2000) *The United States and the Third World: The Origins of the Postwar Relations and the Point Four program (1949–1953)*, New York: Nova Science Publishers.

Shenin S.Y. (2005) *America's Helping Hand: Paving the Way to Globalization (Eisenhower's Foreign Aid Policy and Politics)*, New York: Nova Science Publishers.

Truman H. (1956) *Memoirs by Harry Truman*. Volume Two. Years of Trial and Hope, Garden City (New York): Doubleday & Co, Inc.

UNCTAD (1994). *World Investment Report. Transnational Corporations, Employment and the Workplace*, New York, Geneva: United Nations.

UNCTAD (1996). *World Investment Report. Investment, Trade and International Policy Arrangements*, New York, Geneva: United Nations.

Valaskakis K. (2002) Development with a Big D: A 21-st Century Mission for the OECD? *Development Is Back* (eds. Braga de Macedo J., Foy C., Oman Ch.), Paris: OECD, pp. 281–284.

Wade R. (1990) *Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization*, Princeton (N.J.): Princeton University Press.

Westra R. (2006) The Capitalist Stage of Consumerism and South Korean Development. *Journal of Contemporary Asia*, vol. 36, no 1, pp. 3–25. DOI: 10.1080/004723306800000021

Wilson W. (1965) The Road away from Revolution (first published in

August 1923). *Wilson W. A Day of Dedication: The Essential Writings and Speeches of Woodrow Wilson*, New York: Macmillan Co, L.: Collier-Macmillan Ltd., pp. 469–471.

Wong J. (1979) *ASEAN Economies in Perspective: A Comparative Study of Indonesia, Malaysia, The Philippines, Singapore & Thailand*, L., Basingstoke: The Macmillan Press.

World Bank (2018). *Riding the Wave: An East Asian Miracle for the 21st Century*. World Bank East Asia and Pacific Regional Report, Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1145-6